THE OPPRESSED SCIENCE

Репресс

НАУКА

Выпуск II

Под общей редакцией
профессора М.Г.ЯРОШЕВСКОГО



Санкт-Петербург
„НАУКА"
1994

Э.И.Колчинский

РЕПРЕССИИ И УЧЕБНИКИ
(интервью с Ф.И. Кричевской)

30-е и 40-е годы вошли в историю отечественной науки как период непрестанного осуждения и запрещения все новых и новых направлений в области биологии, психологии и педагогики. Неизбежно это отражалось и в издании учебников, которые должны были поспевать за меняющейся конъюнктурой. Борьба за комплексный метод обучения и за издание учебников-проектов внезапно оказалась свернутой и была заменена уже походом против подобных новаторств в педагогике и за создание стабильных учебников. Причем постоянно осуществлялся жесткий политический и идеологический контроль за их содержанием. Не обошли стороной Учпедгиз и постановления ЦК ВКП(б) о педологии, решения августовской сессии ВАСХНИЛ, борьба с космополитизмом и т.д. Об этом и шла речь в интервью с Фонедой Иудовной Кричевской, ученицей В.А.Догеля, которая в 30-х — начале 50-х гг. работала в Ленинградском отделении Учпедгиза. В военные и послевоенные годы она была и директором, и главным редактором этого издательства. В 1951 г. Кричевскую арестовали и осудили по пресловутой 58-1 статье на 25 лет за "вредительство". Однако в 1954 г. (после смерти Сталина) она была освобождена.

Фонеда Иудовна скончалась в декабре 1990 г. До конца своих дней она работала внештатным редактором в Ленинградском отделении издательства "Наука". При ее активном участии в 60-80-е гг. вышли десятки книг, многие из которых способствовали восстановлению в нашей стране подлинно научной биологии. Среди них особенно надо отметить коллективную монографию "Современные проблемы эволюционной теории" (под редакцией В.И. и Ю.И.Полянских), которая стала первой книгой по дарвинизму, вышедшей у нас в стране после 20-летнего господства лысенковщины. Восстановлению исторической истины служили и книги по развитию эволюционной теории в целом или ее отдельных проблем, редактором которых также была Кричевская. Авторами этих книг были ведущие специалисты в области истории биологии: К.М.Завадский, И.И.Канаев, Т.А.Лукина, К.В.Манойленко и др.

Вопрос. Несколько слов, пожалуйста, о Вашей юности. Где Вы получили образование и как очутились в Ленинграде?

Ответ. Революция застала меня в Екатеринославе, когда я училась в гимназии. Страшные годы гражданской войны. Власть двадцать два раза менялась в городе. И приход почти каждой очередной власти означал погромы и массовые расстрелы. Так, банда Григорьева всего три дня была в городе, а после ее ухода трупы штабелями лежали в рабочих районах. Но это особый разговор.

В Екатеринославе было прекрасное коммерческое училище, старшие классы которого были преобразованы в социально-экономический техникум, куда я и

поступила на первый курс. После окончания техникума я выбрала Институт народного образования (так назывались тогда на Украине бывшие университеты), где и проучилась два года. Но все мы стремились уехать в столицы: Москву или Петроград. Отправилась в 1923 году в Петроград и я, поступив в Институт социального воспитания, который был образован на базе Психоневрологического института, созданного В.М.Бехтеревым. Правда, во главе института тогда был уже не Бехтерев, но он продолжал здесь преподавать. Вообще там были прекрасные педагоги: В.А.Вагнер, В.М.Мясищев, И.П.Павлов, — лекции которых дали нам прекрасную естественнонаучную и психологическую базу. Большое внимание уделялось педологии, психологии детского возраста, психологии переходного возраста, психологии взрослых, патологической психологии. Там я проучилась два года, так как это было время постоянных реорганизаций. В 1925 году наш институт вместе с Дошкольным институтом был влит в Педагогический институт им.А.И.Герцена, где кафедрой методики естествознания заведовал блестящий педагог и организатор науки Борис Евгеньевич Райков.

Вопрос. Какие наиболее характерные черты тогдашней педагогики, и особенно методики преподавания, Вы могли бы назвать?

Ответ. Это было время оживленных дискуссий и интенсивных поисков новых форм обучения. Борьба шла в основном вокруг двух направлений в методике преподавания естествознания: московского и ленинградского.

Московское направление нашло воплощение в программах Государственного учебного совета, в которых доказывалась необходимость расположения учебного материала не по отдельным предметам, а по производственно важным темам. Это были так называемые комплексные программы. Целью их было показать, как при возникновении общества природа вовлекалась в трудовую деятельность, в результате чего возникли сельское хозяйство, т.е. материальный базис общества; над ним надстраивались производственные отношения, формировались культура, наука и т.д. Считалось, что в результате такого образования обеспечивалась связь школы с жизнью, а учебный процесс избавлялся от схоластики прежней системы образования. Предполагалось, что в результате такого образования произойдет синтез знания и опыта. Давалось ядро, вокруг которого в дальнейшем должно было концентрироваться представление учащихся о природе и обществе.

Против комплексной системы обучения резко выступал Б.Е.Райков. Он доказывал, что учебный процесс должен занимать главное место в школе. Для этого производственное обучение должно быть подчинено воспитательным задачам, предполагающим прежде всего систематическое изучение отдельных школьных предметов: биологии, физики, химии, истории и т.д. Райков возражал против примитивного утилитаризма, заложенного в комплексные программы, считал недопустимой подмену естествознания сельскохозяйственной рецептурой.

Вопрос. Как эта борьба двух школ реально отражалась в повседневной жизни школы и в Вашей деятельности?

Ответ. После окончания института меня направили в экспериментальную школу, которая находилась на его территории. В школе работала вся профессура института, ее лучшие методисты. Здесь было достигнуто удачное сочетание знаний крупных ученых с энтузиазмом молодых педагогов. Это была по-настоящему экспериментальная школа. В ней применялись самые разные методы преподавания, в том числе и метод проекта.

Однако все же ситуация изменилась. На Всероссийской конференции преподавателей естествознания в 1929 году группа ленинградских методистов во главе с Райковым была осуждена за приверженность дореволюционным методам обучения, связанную с их борьбой за сохранение отдельных предметов, за неприятие комплексной системы обучения, за игнорирование связи с практикой. Редактируемые им журналы "Естествознание в школе" и "Живая природа" были закрыты. Распоряжением ГУСа комплексные программы были введены во всех общеобразовательных школах. Эти программы были призваны разработать путь обобщения

учебного материала на основе изучаемой трудовой деятельности. Началась эпоха политехнизации школы.

Такая школа могла действовать только на базе какого-либо завода. У нас в Куйбышевском районе не было промышленных предприятий. Поэтому нашу экспериментальную школу расформировали, а в качестве базовой выбрали школу при заводе "Электросила". Добираться туда было очень сложно, я лично чаще всего ехала на подножке или "колбасе" трамвая. Контингент учащихся тогда был непростой. Мне дали класс, ученики которого незадолго до этого устроили бунт, разорвали "Ленинские искры" и заявили предыдущей учительнице, что не желают иметь с ней дела.

Первоначально и мне пытались устроить обструкцию. Но мне удалось найти с ними общий язык, хотя многие были очень обозлены, испытав раскулачивание. Совместная работа на заводе "Электросила" позволила привести их в "христианский вид". Вместе с ними я освоила все операции на заводе (от штамповки до сборки), чтобы объяснить им практическое действие того или иного закона. С этой целью мне пришлось работать на заводе по ночам, осваивая до урока ту или иную специальность.

Вопрос. А что, отдельные предметы тогда совсем не преподавались, например история, литература, русский язык?

Ответ. Насколько я помню, в начальной школе все гуманитарные знания преподавались также в комплексе. Ведь учебников не было. К нам методисты уже приезжали за опытом. Так, не раз в школе был известный педагог М.Я.Басов, который все хотел узнать у меня способ умиротворяющего воздействия на учеников.

Вопрос. Был ли арест Райкова как-то связан с переходом к всеобщему внедрению комплексных программ? И почему в гонениях на Райкова принял участие И.И.Презент, который, как известно, тогда в основном занимался теоретическими проблемами биологии и генетики.

Ответ. Переход к тотальной политехнизации школы, по-видимому, был частью "великого перелома", замышленного как наступление социализма по всему фронту. Начались и массовые репрессии против интеллигенции. Естественно, что они не могли обойти такого свободомыслящего и независимого человека, как Райков. Непосредственной причины ареста я не знаю. Да, скорее всего, ее и не было. Презент же действительно принимал самое активное участие в травле Райкова, выступал с погромными докладами, статьями. Видимо, ему было трудно остаться в стороне, когда кого-нибудь травили. Он был доносчик и палач по натуре, а не по убеждениям. Райков был сослан на строительство Беломорканала, там он создал лабораторию по борьбе с эпидемиями.

Вопрос. Как началась Ваша деятельность по подготовке и изданию учебников?

Ответ. Я была привлечена к созданию учебников по методу проекта. Это были рассыпные учебники, т.е. под одной обложкой были тетради по разным предметам, объединенные единой темой. Например, в школе был проект: "Поможем посевной кампании — организуем огород". Надо было все знания о растениях, овощах, другие биологические сведения, знания о почве, приемах агротехники, сельскохозяйственных орудиях труда, а также пословицы, поговорки, сказки, стихи подчинить этой идее. Таким образом, материал располагали не по предмету, а по жизненно важным темам, связанным с производственной деятельностью человека. Такие учебники создавались тогда во всем мире. И к нашим проявляли интерес. Так, на международной выставке учебник, в подготовке которого я принимала участие, был даже украден. У меня также не сохранились эти учебники: все они пропали при аресте. Вот так я оказалась приобщена к делу издания учебной литературы: сначала в качестве автора, а потом и редактора.

Вопрос. Когда закончилась эпопея с комплексными программами, методом проекта, бригадным методом обучения и другими нововведениями ГУСа?

Ответ. В сентябре 1931 г. вышло постановление ЦК ВКП(б) о начальной и средней школе, в котором осуждались комплексные программы и попытки проти-

вопоставить политехнизацию обучения систематическому усвоению наук. Была поставлена задача создать предметные программы и на их основе издать учебники по отдельным дисциплинам. Наша трагедия заключалась в том, что мы, авторы только что вышедших учебников, должны были разъезжать по конференциям Новгорода, Пскова, Ленинграда и других городов, входящих в сферу действия Лениградского издательства, и критиковать собственные учебники. Нам же поручили и создать бригады по подготовке новых стабильных учебников. Особенность этих бригад состояла в том, что в них наряду со специалистами должен был входить и рабочий от станка. Его положение было довольно дурацким: он не знал, что ему делать в кругу профессоров; трудно было вообще найти какую-либо работу, чтобы чем-то занять его; я ему давала на рецензию учебники, методики и т.д.

Вопрос. Во второй половине 30-х годов при Вашем активном участии стали выходить фундаментальные учебники для высшей школы, авторами которых были В.А.Догель, Б.Е.Райков, Л.С.Берг, П.В.Терентьев, Д.Н.Кашкаров и другие. Каким образом Вы подключились к изданию литературы для вузов?

Ответ. Наряду с работой в издательстве я училась в аспирантуре Государственного института научной педагогики. Там я сдала кандидатские экзамены и решила специализироваться по биологии. Я пришла на кафедру В.А.Догеля. Это была лучшая кафедра в университете, который тогда был богат прекрасными научными школами. К школе Догеля принадлежат такие выдающиеся советские биологи, как академики АН СССР Б.Е.Быховский, А.В.Иванов, член-корреспондент АН СССР Ю.И.Полянский и другие. Мое рабочее место было прямо в кабинете Догеля, и, можно сказать, вся жизнь кафедры протекала у меня на глазах. Сотрудниками кафедры был подготовлен большой практикум по зоологии беспозвоночных. Так, я стала не только редактором учебников, но и редактором биологической литературы.

К тому времени был досрочно освобожден Б.Е.Райков, направленный на поселение в Медвежьегорск. Я обратилась с письмом в Центральный Комитет с просьбой разрешить использовать репрессированного Райкова в качестве автора методических пособий. Получив разрешение, мы переиздали в 1938 и 1941 гг. его совместную с М.П.Римским-Корсаковым книгу "Зоологические экскурсии". Долгое время эта книга была основным пособием по экскурсионной зоологии. В нем излагались основные темы экскурсий, принципы и методы их проведения, давались практические советы и описание объектов. Тогда же мы задумали с ним издать учебник по методике естествознания, который вышел уже после войны.

Вопрос. Начало Вашей работы в издательстве совпало с годами массовых репрессий в стране вообще и в науке в частности. Понимали ли Вы тогда, что происходит в обществе?

Ответ. Конечно, понимала. Это было страшное время, когда все постоянно ходили под дамокловым мечом. Вокруг рушились людские жизни, карьеры. Целые семьи, пласты общества уходили в небытие. Среди них были и друзья. Каждый понимал, чувствовал, что вот-вот подойдет и его очередь. Но говорили об этом только у себя, только с самыми близкими друзьями. Мы, конечно, не верили, что Бухарин и Троцкий контрреволюционеры. Мы не могли только понять, почему они признавались. Нам в голову не могло прийти, что их там пытают.

Одного за другим арестовывали главных редакторов издательства. Так накануне войны я стала главным редактором. И возможно, именно война отложила мой арест на десять лет. Вообще в первые дни войны я сделала "головокружительную" карьеру. Все мужчины ушли на фронт. Я стала "едина в трех лицах", будучи одновременно директором издательства, главным редактором и секретарем парторганизации. Во время войны одни мои авторы эвакуировались (Л.С.Берг, В.А.Догель), другие ушли на фронт (Ю.И.Полянский), некоторые умерли в эвакуации (Д.Н.Кашкаров); в блокаду скончался П.П.Иванов. Мы в те годы в основном издавали различные книги для блокадных детей.

Вопрос. В 1936 году вышло специальное постановление ЦК КПСС по педологии. Как отразилось оно на Вашей издательской деятельности?

Ответ. Прямо издательскую деятельность оно не затронуло, так как учебная литература по биологии была вне педологии; но это был очередной идеологический погром. Весьма серьезная наука, признанная во всем мире была объявлена буржуазной и осуждена. И хотя это были идеологические репрессии, сторонники педологии не были арестованы, однако вся кампания безусловно нанесла громадный ущерб нашей системе школьного образования.

Вопрос. Послевоенные годы также оказались не очень спокойными для нашей высшей школы: сессия ВАСХНИЛ 1948 года, борьба с космополитизмом. Вероятно, эти события уже не обошли стороной Ваше издательство?

Ответ. Конечно, нет. Причем обстановка все время обострялась. Вначале казалось, что жизнь входит в нормальную струю. С Райковым мы возобновили издание журнала "Естествознание в школе". В 1947 году была опубликована задуманная еще в 20-е годы Борисом Евгеньевичем книга "Методика естествознания", к работе над которой автор привлек также многих крупных методистов (П.И.Боровицкого, Н.М.Верзилина, С.А.Павловича). Стал вопрос об усовершенствовании программ по естествознанию, утвержденных коллегией Наркомпроса еще в 1933 году и с тех пор остававшихся неизменными. Но случилось все по-иному.

В "Учительской газете" была напечатана разгромная статья, инспирированная московскими оппонентами Бориса Евгеньевича. Затем в марте в Министерстве просвещения состоялось обсуждение книги. До начала этой проработки мне удалось уговорить Бориса Евгеньевича признать некоторые второстепенные недостатки книги. В частности, ему инкриминировалось, что не отражены коренные изменения в методике естествознания, которые произошли за годы советской власти. Все знали непреклонный характер Райкова, и его самокритичное выступление обезоружило критиков. Весь пафос был направлен главным образом против меня как редактора. Я заработала на этом строгий выговор с занесением в личное дело. А Борис Евгеньевич поцеловал мне ручку и сказал: "Умница Вы моя. Спасибо Вам большое".

В те же годы мной был задуман справочник для учителя по биологии, где содержались бы основные сведения из зоологии, ботаники, генетики, экологии, физиологии, которые могли быть использованы на уроке. В подготовке справочника мне помогал Ю.И.Полянский. Но здесь разразилась августовская сессия 1948 года. Генетика была осуждена, а вместе с ней подверглись различным репрессиям все, кто стоял на пути у Лысенко и его сторонников. В герценовском институте был учинен подлинный разгром. Райков был освобожден от всех должностей и обязанностей по Педагогическому институту и по ленинградскому филиалу Академии педагогических наук. Из института изгнали также Ю.И.Полянского, который был даже вынужден уехать на Север, А.А.Стрелкова (последнего приютил в Зоологическом институте Е.Н.Павловский), М.А.Розанову и других.

Вместо Ю.И.Полянского заведующим кафедрой зоологии и генетики была назначена дама из Ветеринарного института, Т.В.Виноградова, которая занималась там какими-то опытами с пчелами. Виноградова отличалась редким невежеством в вопросах биологии и столь же редкой искренней приверженностью к так называемой мичуринской биологии, но именно она стала одним из главных рецензентов редакции и везде и во всем усматривала крамолу и требовала все писать в духе лысенкоизма. Приходилось лавировать: вставлять в предисловия обязательные фразы о верности мичуринской биологии, об историческом значении работ Лысенко и так далее. Впрочем, все авторы сами понимали обстановку и шли на мимикрические ухищрения. Правда, были и упрямцы, например Л.С.Берг, Ф.Д.Сказкин. Интересен случай с Бергом, который однажды пришел даже в типографию и вместе с наборщиком стал вносить изменения в текст, уже утвержденный Горлитом. И только мои слова о том, что этим самым он посадит меня в тюрьму, подействовали на него, и он отказался от этой правки.

Тучи надо мной все сгущались. Все время работали какие-то комиссии. Шли бесконечные проверки. Мне постоянно приходилось что-то объяснять. А тут еще началась эта борьба с космополитизмом. Как главный редактор, я имела дело и с учебниками по литературе. Среди моих авторов были М.Б.Азадовский, Г.А.Гуковский, В.М.Жирмунский. Их буквально изничтожали в те годы. Мне приходилось присутствовать на их проработках. Это было ужасно, так как со всеми я была связана дружбой. Часть из них все-таки арестовали, например Гуковского. Добрались и до меня.

Вопрос. Что послужило непосредственной причиной Вашего ареста?

Ответ. Будучи директором издательства, я очень тяготилась этой должностью. На все просьбы освободить меня предлагалось найти самой замену. Знакомые посоветовали мне взять бывшего директора Стройиздата Бессонова. Все о нем отзывались примерно так: "Он грубоват, хамоват, но ты с ним будешь как за каменной стеной..." Все так и получилось, и благодаря ему я оказалась за "каменной стеной": сперва в тюрьме, а потом в лагере. Он не только был грубоват и хамоват, но и обделывал различные делишки со своими друзьями в издательстве. Поскольку я категорически отказалась участвовать в этих делах, расправа последовала скоро.

В качестве непосредственной причины мне была инкриминирована попытка задержать издание предвыборной речи Сталина на эвенкийском языке. Дело в том, что наше издательство готовило учебники для северных школ. Для этого привлекались ученые из Института народов Севера. И в данном случае была создана специальная группа. Все ее члены уже подвергались репрессиям в 30-е годы и хорошо сознавали ответственность и грозящие последствия. Поэтому они всячески затягивали работу, уклонялись от нее, постоянно спорили друг с другом о том, как надо переводить то или иное место. Письменный язык был в значительной степени искусственным и очень отличался от разговорного. Эвенки часто его не понимали, и нам приходилось корректуру учебников посылать на места, чтобы узнать, понятен ли текст самим эвенкам. В конечном счете меня в 1951 году обвинили во вредительстве, в космополитизме, в приверженности еврейским авторам и так далее. Некоторые обвинения были просто смехотворны: например, спрашивали, почему Том Сойер на картинке одет в американскую одежду. Видимо, его следовало бы одеть в пионерскую форму. Когда на обвинения в покровительстве евреям я сказала, что из 33 авторов, с которыми я работала, только 4 еврея, следователь сказал: "Оставим эти антисемитские разговоры". Суд шел 10 дней. Это был военный трибунал, который осудил меня на 25 лет, на полную катушку. Тогда я была уверена, что в заключении и закончится моя жизнь. Меня освободили в 1954 году, заменив обвинение во вредительстве на обвинение в служебной халатности. Пришлось немало потратить сил, чтобы добиться полной реабилитации и тем самым вернуть себе прописку и право работать. Но только в 60-е годы я вернулась к редакторской работе.

Вопрос. У Вас за плечами почти 60 лет работы в качестве автора и редактора учебной и научной литературы. Как кратко можно было бы подытожить Вашу деятельность?

Ответ. Становится страшно, сколько сил было потрачено только на то, чтобы выпускать столь нужную стране и системе образования доброкачественную литературу. К каким уловкам приходилось прибегать, чтобы усыплять бдительность различного рода идеологических палачей! И какие потери на этом пути! Сколько было задумано в 20-е и 30-е годы (метод проекта, педология, экскурсионное и исследовательское воспитание и т.д.), и все это ушло в небытие: было разгромлено, уничтожено. А в результате мы имеем нашу современную школу. И все общество бьется над проблемой, что надо делать для коренной перестройки образования, чтобы оно давало и знания, и воспитание, и, самое главное, хотя бы элементарные навыки культуры.

СОДЕРЖАНИЕ